

ИЗ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХИАТРИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Рохлин Л. Л.

Русским психиатрам конца XIX — начала XX вв. принадлежат немалые заслуги в том, что развитие психологии шло по материалистическому пути. В учебных руководствах курсу психиатрии, как правило, предполагалось развернутое психологическое введение, в котором основные положения психологии излагались в материалистическом духе. В своих научных работах психиатры пропагандировали сеченовскую концепцию материалистической психологии [1, 2], активно участвовали в борьбе за материализм в острых дискуссиях с психологами, стоящими на идеалистических позициях. В это время при психиатрических клиниках были созданы экспериментальные психологические лаборатории, деятельность которых способствовала развитию материалистических взглядов на природу психического [3—5]. Особые заслуги в их открытии принадлежат А. А. Токарскому, руководившему экспериментально-психологической лабораторией при клинике С. С. Корсакова, и В. М. Бехтереву, создавшему подобную лабораторию в 1885 г. в Казани при своей клинике.

В конце прошлого века работы по проблемам социальной психологии вызывали большой интерес у русского читателя [6—10]. Некоторые из них (труды Г. Тарда и С. Сигеле) были использованы Н. К. Михайловским для обоснования субъективного метода в социологии, особенно в его нашумевшем произведении «Герой и толпа» [11]. В этот же период отечественные и зарубежные психиатры и психологи уделяли большое внимание описанию и толкованию так называемых психических эпидемий, входящих в предмет изучения социальной психологии, представляя их как формы коллективного общения и поведения. Эти социально-психологические явления толковались нередко идеалистически и даже мистически. Если обратиться к самой общей характеристике высказываний ведущих русских психиатров по данному вопросу, то в их работах можно отметить, с одной стороны, яркое психопатологическое описание различных вариантов «повальных, эпидемических душевых расстройств», в котором чувствовалось определенное влияние буржуазных социальных психологов и в первую очередь Тарда. С другой стороны, отчетливо выступает несогласие с субъективно-социологическим подходом в трактовке этих явлений, критическое отношение к идеалистическому их пониманию.

Нужно заметить, что влиянию Тарда способствовала его тесная личная дружба с видным русским психиатром Н. Н. Баженовым, который содействовал изданию переводов произведений французского психолога. В 1904 г., в годовщину смерти Тарда Баженов сделал о нем доклад на заседании Московского общества невропатологов и психиатров. Со свой-

ственными ему увлеченностью и красноречием Баженов ярко и образно описал личность Тарда. Он указал, что «в разработке ряда важнейших вопросов, ближайшим и наименеешим образом интересующих нас и принадлежащих к областям знания, сопредельным с нашей наукой,— общественная психология, криминология, мораль — его идеальное влияние было исключительно» [12]. Главным в концепции Тарда докладчик считал психологическую трактовку социологии, имеющую своим исходным началом идеалистические философские концепции Аристотеля и Лейбница. В докладе Баженова была только констатация его идеалистических концепций.

Следует заметить, что Баженов неоднократно вместе со своим учителем Корсаковым выступал в Московском обществе психологов и в журнале «Вопросы философии и психологии» в защиту материалистических взглядов против идеалистических воззрений в философии и психиатрии. Самостоятельный подход к решению вопросов социальной психологии и критику ее идеалистических трактовок можно отметить и у В. Х. Кандинского, который в 1876 г. опубликовал в виде журнальной статьи и отдельной брошюры свою лекцию «Нервно-психический контагий и душевные эпидемии», прочитанную в Политехническом музее в Москве.

«История человечества, история обществ, — пишет он, — представляет нам длинный, можно даже сказать, непрерывный ряд примеров, в которых известные побуждения и стремления, известные чувства и идеи охватывают сразу массу людей и обусловливают, независимо от воли отдельных индивидумов, тот или другой ряд одинаковых действий. При этом двигающая идея, сама по себе, может быть высокой или нелепой, чувство и стремление могут не выходить из границ физиологических, но могут быть также необычайными и аномальными, совершенно изменяющими прежний нравственный и умственный характер людей. К таким примерам морального и интеллектуального движения масс, порой принимающего форму резкого душевного расстройства, мы совершенно вправе приложить название „душевые эпидемии“» [13].

Статья Кандинского охватывает широкий круг социально-психологических и психопатологических явлений, дает их характеристику и анализ происхождения. Психолог и психиатр найдет в этой работе много интересного и поучительного в понимании явлений конформизма и психического индуцирования, роли гиперэмотивности в нормальном поведении, в клинике психопатии, особенно истерической. Здесь дано тонкое психопатологическое описание экстатических состояний. Кроме социально-психологического описания нормальных и аномальных форм массово-коллективного поведения и выяснения их механизмов, в ней отражен также ряд явлений душевной жизни, окруженных ореолом таинственности, мистицизма. К таковым автор относит явления гипнотизации, «медиумические явления», «спиритические эпидемии». Кандинский дает их социально-психологическое и естественно-научное объяснение. Он характеризует соотношения сознательных и неосознанных автоматических форм поведения и различных поступков и действий в состоянии гипнотизации и при проведении сеансов спиритизма. Более кратко затрагиваются такие социально-психологические явления, как заразительность преступлений, самоубийств и различных форм психопатологии. Особенно обстоятельно Кандинский описывает психические эпидемии от средних веков до времени написания его работы.

Кандинский не отрицал значения подражания в социально-психологических формах массового коллективного поведения, но имел свою точку зрения. Он различал инстинктивное, автоматическое и сознательное, целенаправленное подражание. Кроме механизма подражания он указывал и на другие — заражение, внушение.

Касаясь вопроса о культурном уровне и степени сознательности лиц, охватываемых психическими и психопатическими эпидемиями, Кандинский писал: «И при высокой степени умственного и нравственного развития человек никогда в полне не избежит действия нервно-психического контагия.

Разве ученые и развитые люди никогда не участвуют в повальных заблуждениях? Факты прямо говорят, что современный высокий уровень знания вовсе не гарантирует даже и интеллигентный слой общества от душевных эпидемий и трудно представить такое время, когда бы не могли в них иметь место повальные заблуждения и эпидемические безумия. Главнейшие источники душевных эпидемий — религиозное чувство, мистические стремления к таинственному и необычайному — едва ли когда иссякнут. Меняются только формы повальных болезней души, меняется содержание бреда» [13].

Высказывание Кандинского вызвало раздражительную реплику Михайловского, который доказывал, что историю приводят в движение только «критически мыслящие личности», одиночки, герои, ведущие за собой толпу — массу примитивных, внушаемых, безвольных людей. Он с возмущением писал, что Кандинский принадлежит к авторам, которые «сами себя обворовывают» [11].

Если статья Кандинского «Нервно-психический контагий и психические эпидемии» носила пропагандистский характер и являлась изложением его общественно-исторических взглядов и убеждений по различным вопросам социальной психологии, то ближайший ученик и соратник Корсакова Токарский специально занимался проблемами социальной психологии. Ему принадлежит обстоятельный монографический труд «Мерячение и болезнь судорожных подергиваний» [14]. В нем на основании всестороннего исследования и весьма полного освещения литературных данных утверждается факт существования двух нервных заболеваний различного социально-психологического генезиса (а не одного, как думали французские ученые). «Мерячение — указывает Токарский, — есть душевная болезнь, характеризующаяся неудержимой наклонностью к подражанию словам и действиям окружающих и к исполнению данных ими приказаний. Эти явления могут происходить в обычном состоянии субъекта при ясном сознании, но легче происходят при участии аффекта. Других явлений нарушения психологической деятельности может не быть» [14, с. 179]. Болезнь же судорожных подергиваний, по мнению Токарского, характеризуется присутствием судорожных движений, повторяющихся в одном и том же виде. В 1893 г. Токарский выступил на четвертом годичном заседании Московского общества невропатологов и психиатров с докладом «Психические эпидемии», анализируя их, как формы массового коллективного поведения, которые интересуют социальных психологов и психиатров. В процессе их описания и изучения у него возникло много дискуссионных вопросов. «Психической эпидемией, — указывал он, — называется одновременное возникновение у известного числа людей одной идеи, обусловливающей с их стороны одинаковые действия» [15, с. 3]. Сюда относятся разнообразные по распространности и длительности явления: народные волнения, религиозные движения, равно как и явления паники. Представляет интерес указание Токарского на предрасполагающие и производящие причины психических эпидемий. Предрасполагающие причины — это, во-первых, бедность, примитивность, невежество во всех его проявлениях, во-вторых, подражания, психическая заразительность, внушение, возбуждающее влияние массовости.

Токарский не подчеркивает, в отличие от Тарда, стихийный, непосредственный, иррациональный характер подражания. Подражание — есть акт, сознаваемый и произвольный в том смысле, что он всегда

подчиняется закону выбора, по крайней мере в сознании подражающего. Подражая, каждый ощущает, что он может и не подражать [15, с. 11].

Психология человека развивается с участием подражания, причем первоначальные образцы могут, конечно, видоизменяться под влиянием наследственности и органических особенностей. Если принять во внимание, что подражание распространяется по мере расширения горизонта индивидуального сознания далеко за пределы настоящего в бесконечную даль веков, нужно согласиться, что стремление к подражанию есть одна из величайших сил [с. 13]. Из этого высказывания Токарского видно, что он вкладывает иное содержание в понимание подражания. Нашу мысль подтверждает также его характеристика психического заражения и сравнение его с подражанием. Психическую заразительность можно допустить только в тех случаях, указывает он, где душевное состояние у одного человека распространяется на другого человека без всякого участия сознания, рассуждения и выбора; «другими словами, когда один человек охватывается известным душевным состоянием не только помимо своего желания, но даже вопреки прямым усилиям своей воли и притом только потому, что такое состояние испытывает другой человек» [с. 14]. Эти мысли развиваются им и в других местах доклада. «Заражение охватывает человека с силой, превосходящей силу его сопротивляемости, и он чувствует, что его побуждает как бы совершенно новая сила совершать действия для него самого непонятные, и иной раз такие, которые он считал даже невозможными без участия сверхъестественных сил. Под влиянием заражения человек может совершать такие действия, которые для него произвольно невыполнимы» [с. 11].

Свои рассуждения о психической заразительности Токарский подкрепляет интересными соображениями, относящимися к истерии. «Нет никакого сомнения, — говорит он, — что припадки истерии заразительны в очень сильной степени и заразительность проявляется с большой быстротой, почти с быстротой звука. Истерическая заразительность есть заразительность наиболее сильная, но в то же время и наиболее ограниченная, так как зараза распространяется на субъектов истеричных, затем только в смысле возбуждения припадка...» [с. 19].

Токарский, будучи представителем передовых слоев русской интеллигенции, выступал за прогрессивные социальные перемены в период первой русской революции 1905 г.: «Выражение идей в действии и общественном движении суть основной закон жизни. Их надо не подавлять, а направлять. Поэтому если суждено миру в ближайшем будущем пережить обширнейшую эпидемию, пусть это будет эпидемия стремления к свету и знанию — движение вытекающее из любви к человечеству, к труду, к мирному процветанию и благоденствию народов...» [с. 23].

Корсаков в своем «Курсе психиатрии» [16] писал о психических эпидемиях в непосредственной связи с анализом индуцированного помешательства, отмечая близость этих явлений. Если в психических эпидемиях патология зарождается в рамках массового общения и коллективного поведения, то в индуцированных психозах происходит общение малого масштаба — обычно двух-трех человек. Механизмы заражения в обоих случаях (массовом и групповом) очень сходны, имеются и промежуточные случаи. Характеризуя это сходство, Корсаков привел выписку из истории болезни, когда индуцированный психоз охватывал 13 человек. «Этот пример указывает, как иногда как бы под влиянием заразы, развивается особое состояние психического автоматизма, с крайней односторонностью душевного содержания и совершенно бессмысленными поступками» [с. 438]. От больных с индуцированными психозами Корсаков отличает психически больных, которые только перенимают у других новую фабулу бреда, добавляя ее к своему бреду.

Важным моментом является и его утверждение о разнообразии и сложности, которые существуют в вариантах психических эпидемий (от «нормы» до патологий). «Между чисто психопатологическими эпидемиями, — пишет он, — и эпидемиями психическими, основанными на собственном нормальному человеку инстинкте подражания, существуют незаметные переходы, точно такие как между этими последними (т. е. психическими эпидемиями) и массовыми заблуждениями, обусловленными суевериями, возбужденным мистическим чувством, частью же социально-экономическими условиями; эти массовые заблуждения часто проявляются в возникновении своеобразных сект....» [с. 440]. Вслед за Кандинским Корсаков утверждает, что люди, принадлежащие к интеллигентным классам, не были свободны от участия в психических эпидемиях.

К психиатрам, проявлявшим большой интерес к социальной психологии, принадлежал В. М. Бехтерев. Указанный интерес получил отражение во многих его произведениях [17, 18]. Как известно, творческий путь этого выдающегося ученого отмечен отдельными ошибочными построениями. В ряде случаев он проявлял непоследовательность и противоречия, а в теоретических концепциях отдавал дань механистическому материализму.

Возглавив в Петербурге в Военно-медицинской академии кафедру психиатрии, Бехтерев в 1897 г. произнес в актовом годичном заседании Академии речь «Роль внушения в общественной жизни» [19], в которой охарактеризовал предмет, методы и задачи социальной психологии. Бехтерев проводит дифференциацию тех форм общения, которые характерны для коллективных, массовых его проявлений в виде психических эпидемий. Как и Кандинский, он считает, что «нервно-психический контагий» приводит «к психической заразе, микробы которой не видны под микроскопом, но тем не менее... действуют везде и всюду, передаются через слова и жесты окружающих, через книги, газеты и пр. Речь идет о психической заразе и внушении» [13, с. 1]. Он дает также определение внушения, которое по глубине и дифференцированности можно отнести к классическим: «Внущение — есть один из способов влияния одних лиц на других, которое может происходить как намеренно, так и ненамеренно со стороны влияющего лица и которое может осуществляться совершенно незаметно для человека, воспринимающего внушение, иногда же оно происходит с ведома и при более или менее ясном сознании» [19, с. 2]. Следует указать, что феномен внушения в последующей лечебной, научной и публицистической деятельности всегда привлекал его внимание. По Бехтереву, внушение через психотерапию как бы создавало мост от психиатрии к социальной психологии.

Кроме психических Бехтерев анализирует и психопатические эпидемии, относя к ним конвульсии, коллективное галлюцинирование, бредовое индуцирование, массовые истерические явления, экстатические состояния и панику. В этих массовых формах поведения главная роль отводится механизмам внушения, самовнушения и взаимовнушения, хотя в то же время Бехтерев критически относился к авторам, которые призывали и сводили возникновение психических эпидемий к одному механизму или универсальному принципу. Так, в предисловии к своей книге «Коллективная рефлексология» он писал: «Здесь мы хотели бы однако указать на... важную ошибку психологов и социологов — субъективность в исследовании народных масс и их движений,... стремление некоторых из них подчинить последние какому-либо одному общему принципу. Так, например, Тард этот общий принцип видит в подражании, тогда как Мак Даугол видит его в инстинктах человеческой природы» [20, с. 11]. Тарда он считал «путником в определениях», называя его позицию «концептуализмом» и указывая, что «было бы ошибкой в этом отношении за ним следовать» [20, с. 86]. Бехтерев активно про-

водил идею всестороннего рассмотрения и дифференциации различных явлений, относящихся к социальной психологии. Даже внушение, которое считалось им важнейшим фактором в массовых коллективных формах поведения, он отличал от таких факторов, как убеждение и приказание. В отношении подражания он не занимал нигилистической позиции, признавая за ним некоторую роль в формах социально-психологически обусловленного поведения, различая непосредственные и опосредованные его виды и определяя специфику подражания в связи с возрастом и другими условиями. Бехтерев отрицал проповедуемую Тардом универсальность и исключительность закона подражания во всех формах общественного поведения. «Тард,— говорил он,— исходя из предвзятой идеи о значении подражания в социальной жизни, в своих «законах подражания» слишком преувеличил в этом отношении его роль и почти не уделяет внимания инициативе отдельных лиц и общественному творчеству, а если говорить о том и другом, то подобно другим авторам слишком ограничивает их значение и уменьшает их роль в общественной жизни» [20, с. 11].

Таким образом, Бехтерев отрицательно относился к субъективно-идеалистическим социологическим концепциям Тарда и его единомышленников. «Некоторые (Тард, Лебон, Сигеле, Михайловский, Резанов) ...,— писал он,— склонны понятие толпы или «психической толпы» распространять на все виды скопа людей, так или иначе объединяемых между собой. Но обозначение различных коллективов одним общим названием — «толпа», как это делают вышеуказанные авторы, нельзя признать удачным, ибо это противоречит установленным терминам и связанным с ними понятиям» [с. 85]. Далее Бехтерев дает свое определение толпы: «Всякая вообще толпа представляет собой собрание имеющих друг с другом ничего общего и объединившихся по какому-либо внешнему поводу, возбуждающему одно и то же отношение у многих лиц» [с. 89].

Следует указать, что в работах Бехтерева имеются высказывания о «героях и толпе», направленные, по существу, против концепций Михайловского.

При анализе взглядов на психические эпидемии Кандинского мы указывали, что Михайловский в полемике с В. И. Лениным и Г. В. Плехановым опирался на данные о психических эпидемиях. Критикуя его взгляды, Бехтерев указывал, во-первых, что «возникновение психопатических эпидемий... возможно и в интеллигентном классе общества, в котором одним из стимулов к их развитию и распространению служит также внушение, производимое устно и печатно». Далее он это положение распространяет на психические эпидемии, например на панику, которая «касается чувства самосохранения, свойственного всем и каждому...» и «...развивается одинаково как среди интеллигентных лиц, так и простолюдинов» [19, с. 46]. Во-вторых, специально поставив вопрос о роли личности в истории, В. М. Бехтерев не сводит закономерности исторического развития только к проявлениям воли и желаний выдающихся личностей вне какой-либо зависимости от социально-исторических условий. В то же время он не признает фатальности исторического процесса, который якобы осуществляется помимо активного действия живых людей, участников истории.

Мы не имеем возможности в рамках статьи остановиться на всех положениях Бехтерева, относящихся к различным проблемам социальной психологии. Перечислим только некоторые из них: отрицательное отношение к признанию иррационального характера массовидных форм коллективного поведения как объекта социальной психологии; критика Тарда и Лебона за их попытку свести движения народных масс и групповое поведение к психологии толпы; анализ данных по вопросам ди-

намики массового настроения в обычных условиях и в периоды социальных потрясений и др.

На наш взгляд, имеются все основания включить Бехтерева в число основоположников отечественной социальной психологии, поднявшего в ней ряд важных вопросов принципиального значения на стыке психиатрии и социальной психологии.

Русские психиатры конца XIX — начала XX вв., исходя из всестороннего изучения преимущественно массовых коллективных форм поведения, определяемых обычно понятием «психические эпидемии», не только дали правильную идеологическую трактовку последних, но и активно выступили против ведущих представителей буржуазной социальной психологии — Н. К. Михайловского, Г. Тарда, Г. Лебона, С. Сигеле и др. с критикой проповедуемых ими субъективных концепций общественно-исторического развития. Они подвергли убедительной критике попытки свести массовые коллективные формы поведения, в том числе социально-исторически обусловленные общественные движения, к выступлениям безликой толпы, как одной из самых примитивных форм массового поведения, и только к одному его механизму — слепому подражанию. Они дифференцировали психические эпидемии, в частности выделили и описали патологические их формы — психопатические эпидемии, а также проанализировали различные механизмы их формирования. В своих концепциях русские психиатры того времени вплотную подошли к материалистической основе социальной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга.— В кн.: Сеченов И. М. Изб. пр-ия. М., 1952, с. 7—127.
2. Сеченов И. М. Кому и как разрабатывать психологию.— В кн.: Сеченов И. М. Изб. пр-ия. М., 1952, с. 172—268.
3. Аナンьев Б. Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М., 1947.
4. Будилова Е. А. Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке. М., 1960.
5. Рохлин Л. Л. Влияние И. М. Сеченова на развитие отечественной психиатрии.— Ж. невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, 1959, № 4, с. 1014—1020.
6. Вундт В. Проблема психологий народов. М., 1912.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.
8. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892.
9. Тард Г. Общественное мнение и толпа. М., 1902.
10. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1896.
11. Михайловский Н. К. Герой и толпа.— В кн.: Михайловский Н. К. Соч. Т. II. СПб., 1896, с. 95—190.
12. Баженов Н. Н. Габриэль Тард. Личность, идеи и творчество. Речь, произнесенная на торжественном заседании Московского общества невропатологов и психиатров 31 октября 1904 г. М., 1905.
13. Кандинский В. Х. Неврно-психический контагий и душевые эпидемии.— Природа, 1876, кн. 2, с. 138—191.
14. Токарский А. А. Меряжение и болезнь судорожных подергиваний. 2-е изд., М., 1898.
15. Токарский А. А. Психические эпидемии. Речь, произнесенная на четвертом годичном заседании Общества невропатологов и психиатров при Императорском университете. М., 1893.
16. Корсаков С. С. Курс психиатрии. 2-е изд. М., 1901, с. 438—441.
17. Смирнов А. А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975, с. 84—86, 138—141.
18. Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972, с. 78—96.
19. Бехтерев В. М. Роль внушения в общественной жизни. Речь, произнесенная в актовом годичном собрании Императорской Военно-медицинской академии 18 декабря 1897 года. СПб., 1897.
20. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. М., 1921.

Поступила в редакцию
23.VI.1980

ЗА РУБЕЖОМ

СЪЕЗД ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ПСИХОЛОГОВ

8—11 декабря 1980 г. в Брно проходил V съезд психологов ЧССР, организованный психологическим обществом при Чехословацкой Академии наук в сотрудничестве со Словацким психологическим обществом. Кроме психологов и работников из близких психологии научных областей в работе съезда приняли участие также представители центральных органов Коммунистической партии Чехословакии, Чехословацкой Академии наук, а также зарубежные гости, представители научных психологических институтов из некоторых социалистических стран. СССР представлял чл.-корр. АН СССР Б. Ф. Ломов, ВНР — доктор Ю. Унгар Комолы, ГДР — проф. А. Коссаковский.

Главное внимание съезд уделил обсуждению перспектив и взаимосвязей психологии с различными областями общественной, научной и хозяйственной жизни Чехословакии.

Задача съезда — подведение итогов, достигнутых в области психологии в 6-й пятилетке и определение направления дальнейшего ее развития. Эта проблематика была содержанием главных докладов на пленарных заседаниях. Первый из них — доклад Д. Коваче посвящен анализу развития чехословацкой психологии, в особенности за период последнего пятилетия. В нем констатировалось, что количество психологов в Чехословакии возросло и достигло примерно 2500 специалистов. Причем одновременно улучшилась система их подготовки. Подчеркивалось, что чехословацкая психология развивается на последовательных марксистско-ленинских основах не только в теоретической области, но и на всех уровнях практического применения в самых различных областях общественной жизни страны. Это относится как к Чехословакии в целом, так в особенности и к Словацкой республике, где развитие психологии было в последнее время особенно интенсивным.

В докладе отмечалось, что были заложены основы международного сотрудничества чехословацких психологов на уровне или двусторонних встреч, или встреч коллективов и групп специалистов. В будущем такие формы сотрудничества будут еще более расширяться.

Важным идеологическим целям психологии при строительстве социализма в условиях борьбы за мир был посвящен доклад Пьяшинова и Вонкомер. Выступление Т. Парделя было посвящено оценке значительных результатов психологического исследования, осуществленного в рамках Государственного плана исследований в 6-й пятилетке. В этой области была разработана теория психической регуляции и теория личности как процесс развития всего жизненного индивидуального контекста (жизненного плана личности). При этом нашел свое место интердисциплинарный подход, а также была проведена критическая оценка ряда немарксистских идеологических направлений. Такой подход был ориентирован на генеральную стратегическую линию, указанную центральными партийными и руководящими органами, а его результаты относились непосредственно к решению актуальных задач нашего социалистического общества.

Познавательная функция в рамках таких возможностей в основном была достигнута, но на некоторые области необходимо обратить больше внимания, например на социально-психологические проблемы. Что касается функции преобразовательного применения психологических сведений, то эффективность этой области необходимо повысить, чему должна помочь дальнейшая спецификация психологических рабочих мест, преодоление институционализма, последовательное осуществление координации научно-исследовательской работы. Необходимо обобщить полученные результаты и довести их до внедрения в общественную практику. Эти мысли развел в своем докладе М. Коудым. Он сказал, что дальнейшее развитие чехословацкой психологии предусматривает выделение наиболее перспективных и актуальных задач научно-исследовательской деятельности, тесно связанных с общественной практикой. Надо уделять больше внимания созданию материальных, кадровых и других предпосылок для развертывания научно-исследовательской деятельности в области психологии.

Далее М. Коудым ознакомил участников съезда с тематическим направлением научно-исследовательской деятельности чехословацких психологов в 7-й пятилетке, про-